

РЕФОРМА СИСТЕМЫ ИСПРАВЛЕНИЯ И НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ АРЕСТАНТОВ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX В.

© 2008 г. В. А. Горбунов¹

Знание истории становления и развития системы исправления и нравственного воспитания арестантов в тюрьмах Казанской губернии в XIX–начале XX вв. сегодня необходимо для того, чтобы правильно понять, оценить истинные цели образования министерства юстиции России (1802 г.), а также дальнейшее преобразование пенитенциарной системы в свете решения задач поставленных тюремной реформой 1879 г.

Одной из основных задач тюремной реформы в России было совершенствование системы управления местами заключения, повышение роли центрального органа тюремного ведомства в осуществлении контрольных функций, обеспечении единства карательной практики на всей территории империи. Департамент полиции исполнительной, ведавшей до реформы тюремными делами и сложившаяся на местах система исправления и нравственного воспитания арестантов, оказались не в состоянии решать эти задачи, которые царское правительство ставило перед местами заключения.

Так, в одной из записок начальника главного тюремного управления, содержащей оценку дореформенной деятельности, говорилось: “...до настоящего времени между местными учреждениями тюремного управления и центральным органом этого же управления, насколько известно, не было этой постоянной и неразрывной связи, которая бы давала центральному органу возможность следить за правильностью действий подчиненных ему учреждений”².

Образованное в 1879 г. в составе министерства внутренних дел главное тюремное управление, по мнению его учредителей, должно было стать высшей контролирующей и распорядительной инстанцией, осуществляющей непосредственное руководство подчиненными ему местными органами тюремного ведомства.

В то время было признано необходимым создание в тюрьме совета во главе с ее начальником для обсуждения наиболее важных вопросов³.

Анализируя качественный состав кадров мест заключения, уровень его профессиональной подготовки, министерство юстиции приходит к выводу об учреждении при главном тюремном управлении тюремных курсов. “Если судья должен обладать не только специ-

альными юридическими познаниями, но и высшим образованием для того, чтобы разобраться в обстоятельствах, приведших к преступлению, дать им должную моральную и юридическую оценку и произнести над обвиняемым справедливый приговор, – говорилось в обосновании, – то и начальнику тюрьмы, важным призванием которого является воздействие на преступника в смысле его исправления и нравственного воспитания с тем, чтобы вернуть его в общество полезным гражданином, не менее необходимы для успешного выполнения этой трудной и сложной задачи, с одной стороны, особые нравственные качества: энергия, твердость характера, преданность долгу и с другой – серьезные специальные познания научного характера, которые не могут быть приобретены одним житейским опытом”⁴.

Перед администрацией тюрем, была поставлена важная задача нравственного исправления преступников. Достижение этой цели обеспечивалось также и членами “Попечительного о тюрьмах общества”, созданного еще в 1819 г. по образу и подобию британского библейского общества императором Александром I. В его уставе записано: “Осуществлять ближайший и постоянный надзор над заключенными; размещение их по роду преступлений и обвинений; наставлением их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности; занятием их приличными упражнениями и заключением провинившихся или буйствующих из них в уединенное место”⁵.

При этом устав “Попечительного о тюрьмах общества” ставил открытым вопрос, касающийся изменения внутреннего устройства тюрем, режима содержания заключенных и средств его обеспечения. “Поэтому неудивительно, – пишет М. Н. Гернет, – что создавалось совершенно нелепое положение: нравственное воздействие должно было оказываться на людей, сидевших в тюрьмах на шейных цепях, вделанных в тюремные стены, с кандалами, колодками и рогатками”⁶.

Вместе с тем, несмотря на ограниченность и декларативность устава “общества”, впервые вводились определенные новшества в тюремный быт: членам комитетов разрешалось посещать тюрьмы и знакомиться с положением содержащихся там преступников; церковнослужители привлекались к работе с заклю-

¹ Доцент ГК КФ ВЮИ Министерства юстиции РФ, кандидат педагогических наук, майор внутренней службы.

² ЦГАОР. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Делопроизводство 1. Д. 138. С. 11.

³ См.: *Познышев С.В.* Очерки тюремоведения. М., 1915. С. 267.

⁴ *Детков М.Г.* Наказание в царской России, система его исполнения. М., 1994. С. 45.

⁵ *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Т. 1. М., 1941. С. 72.

⁶ Там же. С. 78.

ченными, создавались библиотеки с книжным фондом исключительно религиозного содержания.

Однако с учреждением «Попечительного о тюрьмах общества» остались нерешенными основные проблемы тюремной системы: размещение заключенных, обеспечение их трудового использования, исключение насилия над личностью.

Рассматривая сложившуюся систему наказаний как основу для проведения тюремной реформы, комиссия сгруппировала отдельные виды наказаний по степени их тяжести и при этом выделила в одну группу исправительные наказания.

На территории Казанской губернии размещалось несколько видов исправительных учреждений.

1. Исправительные арестантские отделения гражданского ведомства. Наказание это применялось в совокупности с лишением всех особенных прав состояния и только для лиц мужского пола, не освобожденных от телесных наказаний. Необходимым условием исполнения этого вида наказания являлось обязательное использование наказанных на различного рода работах. В этом отделении заключенные подразделялись на отряды испытуемых и исправляющихся. Пребывание в отряде исправляющихся в течение 10 месяцев засчитывалось за один год отбывания наказания и давало возможность досрочного освобождения.

2. Заключение в рабочий дом. Это наказание также влекло за собой лишение всех особенных прав и преимуществ, лично и по состоянию осужденного ему присвоенных. Применялось оно только для лиц, не освобожденных от телесных наказаний и преимущественно за преступления против чужого имущества. Предусматривалось обязательное занятие осужденных трудом.

3. Заключение в смиренный дом. Этому виду наказания подвергались лица как освобожденные, так и не освобожденные от телесных наказаний. Оно сопровождалось ограничением некоторых прав, могло применяться и без этих ограничений. Занятие трудом являлось обязательным условием наказания.

4. Заключение в тюрьму. В Казанской губернии, в конце XIX – начале XX вв. было 13 тюрем, в которых содержалось около 2500 человек. Срок содержания в тюрьме назначался от одного месяца до одного года и четырех месяцев. При привлечении к труду учитывалось желание заключенных, однако мещане и крестьяне независимо от желания, могли быть привлечены к выполнению работ по распоряжению администрации.

5. Казанская губернская тюрьма. Религиозно-нравственное воздействие на заключенных совершалось в тюремной церкви во время божественной литургии во все праздничные и воскресные дни, а накануне этих дней – всенощная. Во время службы в церкви пел хор певчих из арестантов, а некоторые молитвы пелись всеми заключенными, находящимися в храме. По окончании каждой службы священник произносил проповеди и поучения на тему прочитанного святого Евангелия, а иногда в эти же дни, после обеда, проводил собеседование о вере и нравственности. Арестантов-мусульман посещал в определенные дни мулла.

В зимнее время при тюрьме под руководством священника велись школьные занятия с малолетними арестантами.

6. Казанская центральная пересыльная тюрьма. В целях духовно-нравственного исправления арестантов при пересыльной тюрьме имелась часовня, где во все праздничные дни священник совершал службу, а по окончании богослужения произносились поучения на тему святого Евангелия, а в особо торжественные праздники и собеседования по проповедям на данный праздник.

7. Казанский воспитательно-исправительный ремесленный приют. Предназначался для исправления и нравственного воспитания несовершеннолетних преступников. Воспитанники приюта, содержащиеся в нем за кражи, укрывательства и сбыт краденых вещей, находились от одного месяца до четырех лет. В учебно-воспитательные мероприятия входили: школьное обучение, обучение ремеслу в мастерских, а также церковная литургия⁷.

8. Арест на срок от одного дня до трех месяцев без обязательных работ. Земские арестные помещения и арестантские располагались при полицейских управлениях.

9. Денежные взыскания. Предусматривалась их замена, в случае отсутствия средств – арестом на срок до 3 месяцев.

10. Выговоры, замечания и внушения.

Пытаясь в какой-то мере упорядочить правоприменительную деятельность, приблизить нормотворчество к реальной жизни, министерство юстиции вносит на рассмотрение комиссии предложения об установлении следующих видов исправительных наказаний: 1) заключение в исправительный дом; 2) заключение в смиренный дом; 3) арест или «простое лишение свободы»; 4) денежное взыскание; 5) выговор, объявленный в публичном заседании суда.

В местах заключения Казанской губернии имелись свои церкви в Казанской, Спасской, Тетюшской, Козмодемьянской, Чистопольской, Лаишевской тюрьмах и Казанском исправительном арестантском отделении.

Царское правительство отдавало большое предпочтение священникам в деле исправления и нравственного воспитания арестантов.

Тюрьмы посещали как служители церкви, так и муллы.

В тюрьмах, где не было церкви, богослужение совершалось в особо приспособленных для этого камерах.

В Казанском воспитательно-исправительном ремесленном приюте кроме богослужения, проводилась определенная учебно-воспитательная работа. Воспитанники приюта изучали закон божий, русский язык, арифметику: изучались четыре арифметических действия, занимались пением. Они были гораздо образованнее и умнее своих сверстников, находящихся на свободе, тративших все свое время на то, чтобы прокорчиться и одеться.

В приюте кроме обучения в школе была своя библиотека, и несовершеннолетние, умеющие читать и писать, пользовались ее услугами. Наряду с религиозно-нравственным воспитанием детей со стороны служителей церкви, воспитатели проводили беседы,

⁷ См.: Отчет Казанской тюремной инспекции. Казань, 1900. С. 19.

громкие читки, устраивали праздники и другие мероприятия. Последние не только разъясняли подросткам правила поведения и соблюдения распорядка дня, но и прививали им те необходимые качества, которые пригодятся после освобождения из приюта. Воспитанники, выходя на свободу, были вполне самостоятельными людьми; грамотными, имеющими специальности, которые требовались для работы на фабрике или заводе.

Татары-мусульмане, кроме обучения русской грамоте, занимались изучением мусульманской религии и арабской письменности под руководством муллы, посещающего приют два раза в неделю в послеобеденное время.

Духовно-нравственное исправление арестантов в Казанской губернской и пересыльной тюрьме совершалось служителями церкви во все праздничные и воскресные дни. В эти же дни, после обеда, проводились собеседования по вере и нравственности.

В Казанской губернии краткосрочные арестанты из поселян были почти все безграмотные и не развитые, особенно из иногородних, которые к тому же не знали никаких ремесел. На эту-то сторону должно было обращено особенное внимание при назначении им рода занятий. Нравственное же воспитание и обучение

к ним не применялось, кроме разве словесных внушений их духовного отца, на выборе которого обращали строгое внимание.

В тюрьмах Казанской губернии, как это видно из отчета за 1899г. общества попечительного о тюрьмах, студентами Казанской духовной академии проводились чтения религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания по особо составленным программам, и в основном эта работа велась в воскресенье и праздничные дни. Для иллюстрации и большего усвоения прочитанного показывались “туманные картины посредством волшебного фонаря.”⁸

В целом, оценивая характер исправления и нравственного воспитания арестантов, можно отметить стремление царского правительства затормозить развитие общеполитического сознания личности, ограничить его узкими рамками религиозного мышления. Этому способствовали как физическая изоляция арестантов от внешней среды, так и духовная, от возможности использования богатств научной мысли и культуры.

⁸ ЦГАОР. Ф. 122. Оп. 1. Ч. 1. Д. 29. С. 86.